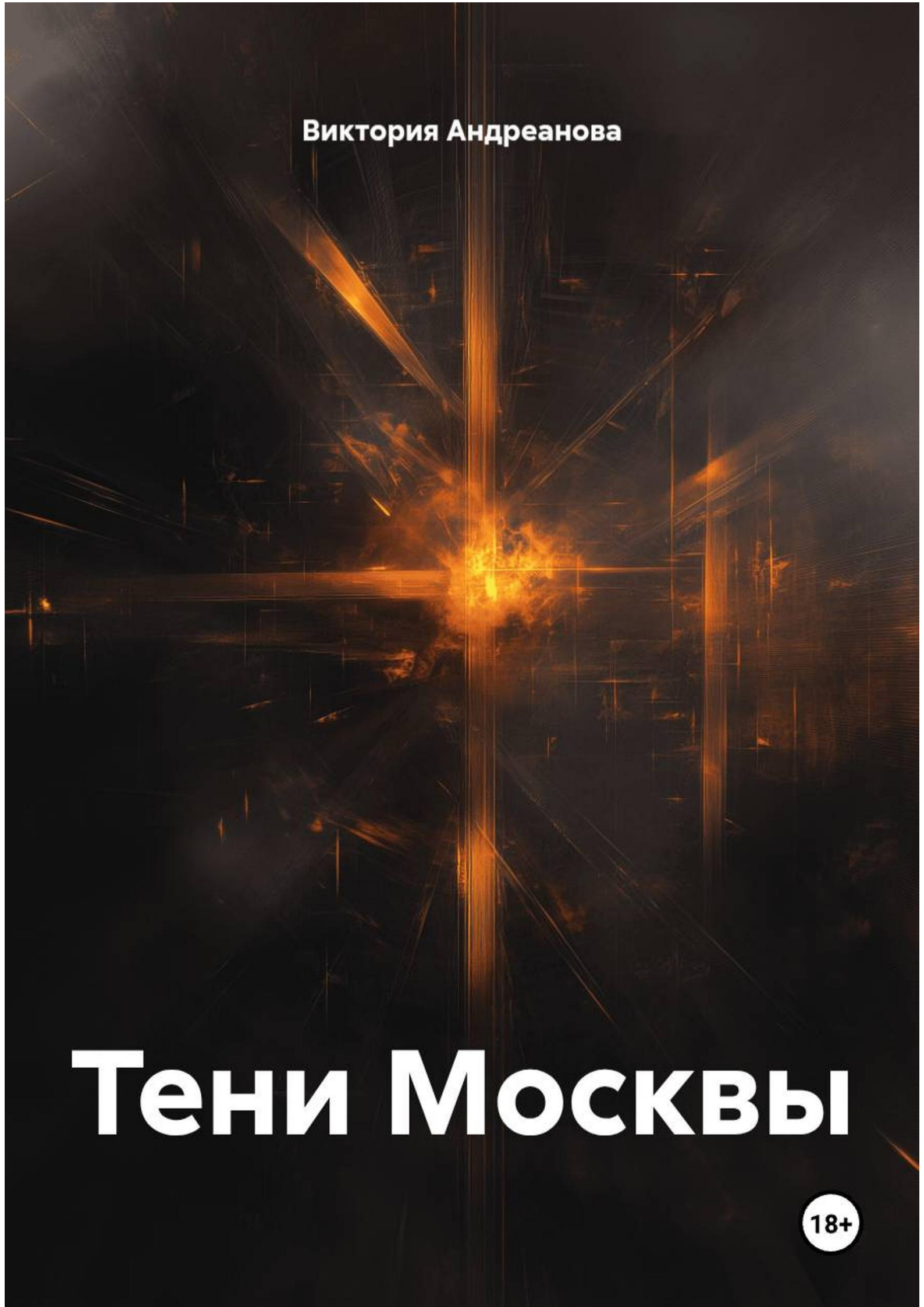

Виктория Андреанова
Тени Москвы
18+

Виктория Андреанова

Тени Москвы

«Автор»
2026

Андреанова В.

Тени Москвы / В. Андреанова — «Автор», 2026

В аномальной Москве обычная школа становится рубежом между реальностью и чемто странным. Патруль подростков не бросается в бой — они фиксируют: ставят метки, ищут свидетелей, записывают таймкоды. Кружки, треугольники, квадраты становятся языком, который не даёт узлу стереть следы. Пока они помнят и отмечают норму, дверь остаётся закрытой — и город держится на месте.

© Андреанова В., 2026
© Автор, 2026

Виктория Андреанова
Тени Москвы

Глава 1. Воронка

Ночь в посёлке под Москвой была не просто тёмной — она будто впитывала свет. Фонари на улице Светлой мерцали, как будто кто-то дёргал рубильник где-то глубоко под землёй. Артём стоял у окна с камерой, снимал пустую улицу и думал, что хуже скуки ничего нет. Но скука — это когда ты знаешь, чего ждать. А тут ожидание было пустым, и от этого становилось не по себе.

Он вышел на улицу, потому что тишина стала слишком громкой. В наушниках играл старый постпанк, но даже он не перекрывал это странное ощущение: будто воздух стал тяжелее, как перед грозой, только небо было чистым. Артём шёл вдоль гаражей, мимо покосившегося забора, где кто-то написал баллончиком «Не смотри назад» — и, конечно, посмотрел. И ничего не увидел. Но почувствовал, как по спине пробежал не холод, а пустота — будто из него на секунду вытянули тепло.

Потом была вспышка. Не яркая, как молния, а густая, маслянистая, будто свет свернулся в комок и лопнул. Артём присел, закрывая глаза, а когда открыл — улицу уже не было. Вместо неё был лес. Не тот, который он знал по выходным прогулкам, а другой: деревья стояли слишком ровно, как штыки, и между ними тянулись тонкие нити — то ли паутина, то ли провода. Он сделал шаг и снова оказался на улице, но теперь асфальт был тёплым, будто его только что залили.

Артём побежал к лесу за посёлком, туда, где, по его ощущениям, и была точка вспышки. Тропа, которую он знал наизусть, вдруг стала чужой: знакомые поваленные деревья лежали не там, тропинка петляла иначе, а воздух пах озоном и чем-то ещё — старым железом, как в заброшенном депо. Он остановился, когда земля пошла под уклон, и увидел воронку.

Она не выглядела как место падения метеорита. Не было выжженной травы или оплавленных камней. Просто круг диаметром метров пять, где трава лежала ровно, будто её аккуратно уложили, и в центре — чёрный осколок. Он не блестел, а поглощал свет: если смотреть на него, казалось, что смотришь в дыру.

Артём протянул руку и коснулся. Не для храбрости, а потому что рука сама потянулась — будто осколок звал. В ту же секунду в голове щёлкнуло, как при переключении каналов. Он увидел чужую комнату: тусклый свет, стол, на нём — старые фотографии, и на одной из них — он сам, только лет на десять старше, и рядом незнакомый мужчина в сером пальто. Потом картинка исчезла, и Артём понял, что лежит на земле, а изо рта идёт пар, хотя минуту назад ему было жарко.

Когда он поднялся, осколок лежал рядом, и теперь на его поверхности проступали тонкие линии, похожие на трещины или вены. Артём сунул его в карман, потому что не знал, что ещё

с ним делать, и пошёл обратно. Но прежде чем уйти, он заметил, что трава в воронке снова лежала ровно — будто её никто не тревожил.

В посёлке всё выглядело как обычно, но чувствовалось иначе. Люди в окнах казались картонными, тени были слишком плотными, а тишина звенела. Когда Артём вернулся домой, отец сидел на кухне и смотрел в одну точку. Он поднял глаза, будто только сейчас заметил сына, и спросил:

— Ты где был?

— В лесу, — сказал Артём.

Отец помолчал, потом тихо, почти шёпотом, добавил:

— Не ходи туда больше.

Но Артём уже знал: он пойдёт. Потому что осколок в кармане был тёплым. И пульсировал.

Глава 2. Тени, которые шепчут

Утро началось как будто в замедленной съёмке. Каждый звук доходил до Артёма с крошечной задержкой: скрип двери — и через секунду эхо, голос мамы из кухни — будто она говорила сквозь толстое стекло. Он сидел на табурете, сжимал в кармане осколок и чувствовал, как тот тихо вибрирует, будто отсчитывает пульс чужого ритма.

— Ты опять не спал? — мама поставила перед ним тарелку, но смотрела не на еду, а на его лицо, выискивая что-то знакомое.
— Спал, — соврал Артём. И сам удивился, насколько гладко легла ложь.

В школе всё пошло наперекосяк сразу. В коридоре между кабинетами он на секунду прикрыл глаза — и вместо плитки под ногами увидел другую картину: сырой подвал, бетонные стены, на одной из них — выцарапанные цифры: 17.08.2008. И запах — сырой, тяжёлый, как в старом бомбоубежище. Когда он моргнул, коридор вернулся, но цифры будто отпечатались у него на сетчатке. Он провёл пальцем по стене — там ничего не было.

На физике Кира толкнула его локтем:
— Ты чего застыл?
— Ничего, — Артём отвернулся, но краем глаза заметил, что тень от лампы на стене не повторяет движения людей. Она жила отдельно: тянулась к нему, будто хотела что-то сказать.

Миша, как всегда, болтал без остановки:
— Слушай, тут в телеге выложили видео: в промзоне за кольцевой ночью будто кто-то ходит с фонарём, а потом фонарь просто гаснет — и всё. Ни шагов, ни звука.
Артём хотел отмахнуться, но слова застряли. Потому что он вдруг понял: он знает это место. Не по картам, не по фоткам — он видел его в том подвале из видения. И цифры 17.08.08 — это не случайность.

На перемене он полез в школьный архив (старое крыло, где пахло пылью и мелом) и нашёл папку с газетными вырезками за тот год. Там было короткое сообщение: «Пропал рабочий на стройке недостроенного цеха. Поиски не дали результатов». Рядом — фото места: тот самый подвал, те самые цифры на стене.

Когда он вышел в коридор, осколки видений начали складываться в узор, от которого становилось холодно. Люди в коридоре повторяли фразы, будто их кто-то перезапускал: одна девочка сказала три раза подряд «я забыла тетрадь», интонация не менялась. Учительница математики остановилась посреди фразы, посмотрела прямо на Артёма и произнесла:

— Не трогай то, что не можешь вернуть.

А потом продолжила, будто ничего не было:

— Итак, уравнение номер пять…

Кира заметила, что с ним творится что-то не то.

— Ты белый, как мел, — сказала она, когда они вышли на улицу. — Что случилось?

— Мне кажется, я вижу то, чего нет, — честно признался Артём.

— Или то, что было, — тихо добавила Кира. — Помнишь, бабушка рассказывала про «следы времени»? Мол, в старых местах иногда проступают старые события. Как на фотобумаге.

Артём достал осколок. Тот был тёплым, почти горячим. На поверхности проступили новые линии — теперь они напоминали карту: тонкие дорожки, расходящиеся от центра, как вены.

— Это не просто стекло, — сказал он. — Оно показывает прошлое. Или его куски.

Кира нахмурилась:

— А если оно начинает показывать и будущее?

Они шли к автобусной остановке, и Артём всё время ловил себя на том, что смотрит не на людей, а на их тени. Тени двигались чуть раньше, чем сами люди. Как будто реальность была плёнкой, которая начала отставать от звука.

У остановки стоял «серый человек» — тот самый, из новостей, которых никто не читал, из слухов, которые никто не произносил вслух. Он не смотрел на них — он смотрел сквозь них, будто видел что-то за их спинами. И когда Артём встретился с ним взглядом, в голове снова щёлкнуло.

Он увидел не комнату и не подвал — он увидел себя, стоящего на железнодорожной платформе, где рельсы уходили в туман, а над путями висела табличка с названием, которого не было ни на одной карте: «Перекрёсток». И рядом — отец, только старше, с сединой на висках, и он шептал:

— Беги. Не оглядывайся.

Картинка исчезла так же резко, как появилась. «Серый человек» чуть наклонил голову, будто услышал этот шёпот, и пошёл прочь.

Кира схватила Артёма за рукав:

— Эй, ты опять завис!

— Прости, — он сжал кулаки, пытаясь удержать реальность. — Просто… мне кажется, что город помнит больше, чем мы.

Домой он шёл уже не по привычному маршруту, а кружил, проверяя, не тянутся ли за ним эти «следы». В одном дворе он остановился у старой трансформаторной будки — там тени были особенно густыми, почти чёрными. Он протянул руку к стене, и на секунду ему показалось, что пальцы проходят сквозь кирпич. Он отдёрнул руку, но на ладони остался тонкий серый налёт, похожий на пыль, которой не было.

Дома отец сидел у окна и смотрел на улицу так, будто ждал кого-то. Когда Артём вошёл, он не обернулся сразу — будто ему нужно было несколько секунд, чтобы «переключиться» с того, что он видел снаружи, на сына.

— Опять поздно, — сказал отец ровно. Слишком ровно.

— Да, — ответил Артём. — Я ходил… просто гулял.

Отец наконец повернулся. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на страх, но он быстро спрятал это за привычной усталостью.

— Не ходи по старым местам, — сказал он, почти без интонации. — Там ничего хорошего нет.

Артём кивнул, но не потому что согласился, а потому что понял: отец знает про эти видения. Или про то, откуда они приходят.

Ночью осколок в тумбочке светился тусклым, неживым светом. Артём не спал. Он смотрел, как линии на нём медленно двигаются, складываясь в новые узоры. И ему казалось, что город за окном тоже не спит — он шепчет, перебирает свои старые истории и ждёт, когда кто-нибудь снова начнёт их слушать.

Глава 3. Следы, которых не должно быть

Ночь не принесла покоя. Осколок в тумбочке тихо гудел, как будто внутри него крутились шестерёнки чужой машины. Артём лежал, уставившись в потолок, и пытался убедить себя, что это просто игра света. Но линии на чёрном стекле двигались: они сплетались в узоры, а потом расходились, будто искали правильный путь.

Утром он не стал брать осколок с собой — спрятал его в старом термосе на верхней полке шкафа, замотав в тряпку, которую бабушка когда-то привезла из деревни. Ткань пахла лавандой и пылью, и на секунду Артёму стало спокойнее: будто что-то старое и простое могло удержать то, что пришло из воронки.

Но стоило ему выйти во двор, как город снова начал шептать. На стене трансформаторной будки, возле которой он вчера почувствовал, как пальцы проходят сквозь кирпич, теперь проступали те самые цифры: 17.08.2008. Только теперь они были не выцарапаны, а словно прожжены — тёмные, с неровными краями, будто кто-то водил по кирпичу раскалённым гвоздём. И рядом с ними — короткая надпись мелом, которой вчера точно не было: «Не ищи».

Артём замер, чувствуя, как по спине ползёт холод, не похожий на утренний. Он оглянулся: во дворе было пусто, только старушка с пуделем прошла мимо, не поднимая головы, будто боялась смотреть на стены.

В школе всё казалось чужим. Даже привычные запахи — мела, старых учебников, разогретого в микроволновке обеда — звучали громче, чем должны. В коридоре перед кабинетом физики Артём остановился, чтобы перевести дыхание, и вдруг услышал голос, которого не могло быть:

— Он уже знает. Он видел платформу.

Голос был низкий, спокойный, будто кто-то обсуждал расписание. Артём резко обернулся — рядом никого. Только тень от пожарного щита лежала на полу, и в ней мелькнуло что-то, похожее на силуэт человека в длинном пальто. Но когда он моргнул, тень стала обычной.

Кира заметила, что он опять застыл.

— Ты как привидение, — сказала она, дёргая его за рукав. — Пошли, опоздаем.

— Мне показалось… — начал он, но не стал договаривать. Если скажешь вслух, станет настоящим.

На уроке физики учительница, обычно строгая и собранная, вдруг замолчала на середине фразы. Она смотрела не на доску, а куда-то сквозь класс, будто видела что-то за стеной. Потом резко тряхнула головой, словно сбрасывая воду с волос, и продолжила:

— Итак, закон сохранения энергии…

Но Артём успел заметить, как на её руке, на запястье, проступила тонкая чёрная линия — как царапина, только она двигалась, будто жила своей жизнью. Через секунду её не стало.

После уроков они с Кирой и Мишей пошли короткой дорогой через промзону — так быстрее, но теперь Артём жалел об этом. Здесь воздух был плотнее, будто пропитан старой пылью и забытыми делами. Миша болтал про новое видео с дрона, где в заброшенном цехе мигали огоньки, но Артём почти не слушал. Его тянуло к тому самому месту, которое он видел в видении — к подвалу с цифрами.

Они свернули в проход между двумя корпусами, и тут реальность дала трещину. На секунду всё вокруг стало чуть прозрачнее, как будто Артём смотрел сквозь два наложенных друг на друга кадра. В одном — серые стены, ржавые ворота, пустая площадка. В другом — тот же двор, но оживлённый: рабочие в касках, грузовик, и на стене — свежие цифры: 17.08.2008. И человек в сером пальто, который смотрел прямо на Артёма.

Картинка исчезла так же внезапно, как появилась, оставив после себя звон в ушах и ощущение, будто его пропустили через холодную воду.

— Ты чего? — Кира схватила его за плечо. — Ты белый весь.

— Я видел… — он запнулся, подбирая слова, чтобы не сойти с ума. — Я видел это место, но другим. Как будто оно помнит, каким было раньше.

Миша нахмурился, оглядываясь по сторонам:

— Слушай, тут и без видений жутко. Я тут как-то ночью с фонариком ходил — и мне казалось, что кто-то повторяет за мной шаги. Только шагов не было. Просто эхо.

Они дошли до лестницы, ведущей в подвал. Ржавые перила скрипели, как старые двери в фильмах ужасов. Артём спустился первым, чувствуя, как осколки видений складываются

в одну страшную картину. Внизу было темно и сыро, пахло плесенью и металлом. На стене, там, где он видел цифры, теперь была не просто надпись — там была выемка, будто кто-то специально выдалбливал эти цифры в бетоне.

И рядом — ещё одна деталь, которой не было в видении: маленький металлический жетон на цепочке, застрявший в трещине. Артём потянулся и снял его. На одной стороне — номер: 417. На другой — логотип, похожий на стилизованную молнию.

Как только он коснулся жетона, в голове снова щёлкнуло. На этот раз он увидел не комнату и не платформу — он увидел отца. Тот стоял в этом самом подвале, только моложе, в куртке с капюшоном, и говорил кому-то:

— Мы не можем это трогать. Оно меняет не только нас. Оно меняет то, что было.

А другой голос, незнакомый и холодный, ответил:

— Именно поэтому мы должны это контролировать.

Видение оборвалось, когда сверху что-то грохнуло. Артём поднял голову — в проёме лестницы стояла фигура в сером пальто. «Серый человек». Он не двигался, просто стоял и смотрел, будто ждал, когда Артём сделает выбор.

— Уходим! — крикнула Кира, хватая Артёма за руку.

Они побежали вверх по лестнице, спотыкаясь о ржавые ступени. Когда Артём обернулся, проём был пуст. Только тень лежала на полу, слишком длинная для обычного света.

На улице воздух казался чище, но Артём всё ещё чувствовал на себе взгляд. Они остановились у автобусной остановки, чтобы отдышаться. Миша тряс головой, будто пытался сбросить с себя липкий страх:

— Ладно, я понял. Больше никаких заброшек после уроков.

Кира смотрела на Артёма, будто пыталась прочитать его мысли:

— Что ты там увидел?

— Не что, а кого, — тихо сказал Артём. — Моего отца. Только молодого. Он был здесь тогда, когда пропал тот рабочий. И он знал про это… про всё.

Он достал жетон и показал им. Металл был холодным и тяжёлым, как правда, которую не хочется знать.

— Это ключ, — сказал он. — Или предупреждение. Я должен спросить у отца.

Кира вздохнула, но кивнула:

— Тогда идём к тебе. Но обещай: если начнётся какая-то мистическая ерунда — мы сразу уходим.

По дороге домой Артём всё время ловил себя на том, что смотрит на тени. Они больше не казались просто тёмными пятнами на асфальте. Теперь они были похожи на следы, которые город оставлял для тех, кто умел видеть.

Глава 4. Тихий разговор, который громче крика

До дома они дошли молча. Миша всё время оглядывался, будто ждал, что из-за угла выскочит что-то, что нельзя назвать по имени. Кира шла рядом с Артёмом, не отпуская его рукав — не потому что боялась, а потому что чувствовала: если он сейчас сорвётся и побежит, остановить будет сложно.

— Я сам, — тихо сказал Артём, когда они остановились у подъезда. — Дальше я сам.

— Не ври, — ответила Кира. — Ты не умеешь «сам», когда у тебя в глазах этот стеклянный туман.

Миша хмыкнул:

— Если там начнётся какая-то аномальная ерунда — я буду у окна на пятом этаже. И если ты высунешься и махнёшь — я вызываю… ну, кого-нибудь. Не полицию, они не поймут.

Артём слабо улыбнулся. Впервые за день улыбка не была натянутой.

Отец сидел на кухне. На столе стояла чашка, в которой давно остыл чай. Он не смотрел в окно, как раньше, — он смотрел на дверь, будто знал, что Артём сейчас войдёт.

— Ты нашёл что-то в промзоне, — сказал отец, не поднимая глаз. Это не был вопрос.

Артём замер. В кармане куртки лежал жетон — холодный, тяжёлый, чужой. Он вытащил его и положил на стол. Металл глухо стукнулся о дерево.

— Откуда ты знаешь? — голос Артёма прозвучал резче, чем он хотел.

Отец наконец поднял глаза. В них не было злости. Была усталость, которую не спрячешь даже за привычным «я просто устал на работе».

— Потому что я там был, — спокойно ответил он. — В тот год. Когда всё началось.

Артём почувствовал, как пол чуть качнулся под ногами — не от землетрясения, а от того, что привычная картина мира дала трещину.

— Ты знал про осколки? Про воронку?

Отец кивнул:

— Знал. Мы думали, что это просто странный материал. Что он реагирует на электричество, на магнитные поля. Мы хотели понять, как его стабилизировать.

— «Мы»? — переспросил Артём.

— Группа исследователей. Нас было шестеро. Теперь осталось трое.

Он встал, подошёл к шкафу и достал старую папку, перетянутую резинкой. На обложке выцветшими чернилами было написано: «Стройка. Промзона. 2008». Отец открыл её, не торопясь, будто каждое движение могло что-то сломать.

— Мы не сразу поняли, что он меняет не только пространство, — сказал он. — Он меняет память. Не стирает, а… смешивает. Ты видишь не просто прошлое. Ты видишь чужие воспоминания, которые прилипают к этому месту, как грязь. И чем больше ты к нему прикасаешься, тем сильнее оно начинает менять твои собственные.

Артём вспомнил видение: отец в подвале, молодой, напряжённый, и чужой холодный голос: «Именно поэтому мы должны это контролировать».

— Ты тогда говорил, что нельзя трогать, — выдохнул Артём. — Я видел это.

Отец замер, будто его ударили. Потом медленно кивнул:
— Да. Я говорил. Но меня не послушали.

Он достал из папки фотографию: группа людей в касках на фоне недостроенного цеха. На обороте карандашом были подписаны имена. Артём вгляделся и похолодел: рядом с отцом стоял «серый человек» — тот самый, которого он видел у лестницы. Только здесь он был моложе, и в глазах у него не было пустоты — в них была надежда.

— Это он всё контролировал? — спросил Артём.
— Он был координатором, — отец провёл пальцем по фото, словно хотел стереть этот образ. — Считал, что если держать осколки под контролем, можно защитить город. А потом… потом он решил, что защищать нужно не город, а порядок. Любой ценой.

В комнате стало тихо. Даже часы на стене будто замедлили ход. Артём сжал кулаки, чувствуя, как в груди поднимается что-то горячее и острое — не гнев, а страх, который наконец нашёл себе имя.

— А я? — тихо спросил он. — Почему я вижу?
Отец посмотрел на него так, будто впервые увидел не сына, а кого-то чужого, кто занял его место.

— Потому что ты был там, — сказал он. — Той ночью. Ты был со мной. Тебе было пять лет. Ты стоял рядом с воронкой. Я думал, что ты ничего не помнишь. Думал, что успел увести тебя до того, как… началось. Но осколки не забывают. Они помнят всё. И теперь они тянут из тебя то, что ты прятал даже от себя.

Артём вдруг вспомнил обрывок, который всегда считал сном: холодный ветер, странный свет, который не грел, и отец, кричащий: «Беги!» — но не ему, а кому-то другому. И он бежал, спотыкаясь о корни, а за спиной что-то щёлкало, как сломанные часы.

— Значит, это не видения, — прошептал он. — Это… моё.
— Частично, — согласился отец. — Остальное — чужое. Память места. Осколок собирает её, как паук собирает нити. И ты становишься узлом, где всё это сплетается.

За окном щёлкнула лампа в подъезде — раз, второй, третий. Свет мигнул, и на секунду кухня стала другой: стены чуть прозрачнее, тени глубже, а на столе вместо папки лежала чёрная коробка с тем самым осколком внутри. Артём моргнул — и всё вернулось. Но ощущение осталось: будто реальность здесь, на этой кухне, стала тоньше бумаги.

— Что мне делать? — спросил он, и голос его дрогнул.
Отец закрыл папку и посмотрел сыну прямо в глаза:
— Перестань его трогать. Хотя бы на сутки. Дай памяти успокоиться. А я… я найду тех, кто ещё помнит, как это останавливать.

Но прежде чем Артём успел ответить, в прихожей что-то звякнуло. Он обернулся: на вешалке, среди курток, висел старый отцовский рюкзак. Из кармана выглядывал уголок той самой фотографии — той, где отец и «серый человек». Только теперь на ней было что-то подрисовано карандашом: круг, перечёркнутый линией, и рядом — координаты.

Артём потянулся и вытащил фото. Отец не остановил его.

— Он оставил это для меня? — спросил Артём.

Отец медленно кивнул:

— Или для того, кто найдёт. Теперь это твоя линия. И ты должен решить, по ней идти или перерезать.

##

Глава 5. Координаты, которых нет на карте

Артём не стал ждать, пока отец найдёт «тех, кто помнит». Он не мог сидеть и смотреть, как кухня становится то прозрачной, то снова обычной, будто сама квартира не знала, какой ей быть. Пока отец возился с телефоном, тихо переговариваясь с кем-то незнакомым, Артём сунул в карман фото с координатами, жетон и старую отцовскую перчатку — она лежала на полке, грубая, с протёртым пальцем, и казалась чем-то настоящим, что можно сжать в руке.

На улице воздух был серым, как остывший пепел. Электричка шла медленно, будто боялась приехать. Артём смотрел в окно на мелькающие гаражи, заборы, старые остановки — и вдруг заметил, что некоторые из них выглядят не так, как должны. Одна остановка будто стояла на полметра левее, чем раньше, а на стене гаража, где всегда висел выцветший плакат, теперь была голая кирпичная кладка. Как будто кто-то стёр кусок реальности и забыл дорисовать.

Он вышел на станции «Лесная» — так значилось в расписании, но табличка на платформе была другой: просто «17», без названия. И цифры эти были не новыми, а старыми, будто их выбили много лет назад и только сейчас они снова проступили сквозь краску.

От станции Артём пошёл по тропинке, сверяясь с координатами на обороте фото. GPS на телефоне сначала показывал его в трёх километрах от нужного места, потом вообще перестал ловить, а потом выдал странную надпись: «Нет данных». Артём убрал телефон. Здесь карты не работали.

Лес становился плотнее, будто деревья нарочно сдвигались, чтобы закрыть тропу. Тени лежали на земле, как мокрые тряпки — тяжёлые, не шевелящиеся даже от ветра. И в какой-то момент Артём понял, что слышит не только шорох веток, но и другой звук — ровный, механический, будто где-то далеко тикали сразу сотни часов.

Место по координатам оказалось бывшей технической площадкой: бетонная плита, проржавевшие ограждения, остатки какого-то оборудования, похожего на антенны или датчики. В центре плиты был люк, закрытый тяжёлой крышкой. На бетоне вокруг него были выцарапаны те же символы, что и на осколке: тонкие линии, расходящиеся от центра, как вены.

Артём присел и коснулся одного узора. В ту же секунду реальность снова дрогнула. Он увидел это место не заброшенным, а живым: люди в серых куртках, мигающие лампы, экраны с непонятными графиками. И голос — тот самый, холодный, знакомый по видению: «Держите поле. Если оно рухнет, мы не сможем собрать обратно».

Картинка исчезла, но ощущение осталось — будто он только что подслушал чей-то важный разговор и теперь не имеет права его забыть.

Рядом с люком лежал ещё один осколок. Не такой, как первый: этот был крупнее, почти с ладонь, и в нём будто застыл дым. Артём потянулся к нему, но в последний момент отдёрнул руку. Он вспомнил слова отца: «Перестань его трогать. Дай памяти успокоиться». И вместо того чтобы взять осколок, он положил рядом жетон — тот самый, с номером 417 и молнией.

Как только металл коснулся бетона, в воздухе что-то щёлкнуло, как переключатель. Тиканье часов стало громче, а тени вокруг площадки начали медленно стягиваться к люку, будто собирались в одну плотную фигуру.

— Ты не должен был сюда приходить.

Голос прозвучал не сзади и не спереди — он был повсюду, как эхо, которое не хочет уходить. Артём обернулся. «Серый человек» стоял у края бетонной плиты. Только теперь он был не в сером пальто, а в форме, похожей на рабочую, с нашивкой, которую Артём не успел разглядеть.

— Это место помнит тебя, — сказал он. — Ты был здесь раньше. Когда тебе было пять. Ты оставил след. И теперь осколки его читают.

— Я ничего не оставляю, — хрипло ответил Артём. — Я просто хочу, чтобы это прекратилось.

«Серый человек» чуть наклонил голову, будто прислушивался не к словам, а к чему-то за ними.

— Оно не прекратится, — спокойно сказал он. — Оно только начинается. Ты — узел. Там, где прошлое цепляется за настоящее. И пока ты здесь, слои будут сдвигаться. Люди будут повторять чужие фразы. Тени будут шептать. А город будет помнить всё, что ты забываешь.

— Зачем вы это делаете? — спросил Артём, чувствуя, как в груди поднимается что-то горячее. — Зачем вы всё это хранили?

— Чтобы не потерять контроль, — ответил «серый человек». — Но контроль — это тоже память. И она стареет.

За его спиной, в лесу, мелькнули ещё фигуры — не тени, а люди. Они двигались бесшумно, как будто шли по другому времени. Артём понял, что сейчас не время спорить. Он схватил фото, сунул его глубже в карман и шагнул назад, к тропинке.

— Не уходи один, — вдруг сказал «серый человек», и в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на предупреждение. — Без якоря ты начнёшь терять себя. Осколки будут тянуть из тебя воспоминания, пока не останется только шум.

Но Артём уже бежал. Ветви хлестали по лицу, тропинка петляла, будто пыталась его запутать, а тиканье часов звучало прямо в ушах. Он не оглядывался, но чувствовал: за ним идёт не погоня, а сама память места, которая не хочет его отпускать.

Когда он выскочил к станции, платформа снова называлась «Лесная». На табло горели обычные цифры, люди стояли с зонтами, кто-то пил кофе из стаканчика, и всё выглядело так, будто ничего не было. Только в кармане лежало фото с координатами, а на перчатке, которую он сжимал, остался тонкий серый налёт — такой же, как тот, что был на его ладони у трансформаторной будки.

Кира ждала его у выхода со станции. Она стояла так, будто знала: если она сдвинется хоть на шаг, случится что-то плохое.

— Ты белый, — сказала она, хватая его за рукав. — Что там было?

Артём хотел рассказать, но слова рассыпались, как песок. Вместо этого он протянул ей фото.

— Смотри, — выдохнул он. — Это не просто место. Это ловушка для памяти. И я только что в неё шагнул.

Кира вгляделась в фото, потом подняла глаза:

— А координаты?

— Их нет на картах, — прошептал Артём. — Но город их помнит.

Глава 6. Чужие фразы

Дома Артёма не ждал покой. Квартира будто стала чужой: привычные вещи лежали чуть не на своих местах — чашка стояла ближе к краю стола, стул был отодвинут, хотя Артём точно помнил, что не трогал его. А на холодильнике, где всегда висели магниты с видами города, теперь белел чистый лист бумаги, и на нём неровным почерком было выведено: «Не ищи».

Он хотел сорвать листок, но рука замерла в сантиметре от бумаги. На белой поверхности проступали тонкие тёмные линии — будто чернила впитывались в лист прямо на глазах, складываясь в те же узоры, что и на осколке. Артём отступил, чувствуя, как по коже ползёт липкий холод.

Кира пришла через десять минут. Она не стала стучать — просто открыла дверь своим ключом, который отец когда-то дал ей «на всякий случай», и сразу поняла: что-то не так.

— Ты опять белый, — сказала она, скидывая куртку. — И в квартире пахнет… не так. Как будто тут кто-то курил, хотя у вас никто не курит.

Артём кивнул, не зная, с чего начать.

— Тут… всё двигается. Не сильно. Но двигается. И на холодильнике записка, которой не было.

Кира подошла к холодильнику, посмотрела на листок, потом медленно подняла глаза:

— Это не мой почерк. И я не писала.

— Я и не думал, что ты, — тихо сказал Артём. — Просто… мне кажется, что это место теперь пишет само.

В этот момент из комнаты донёсся голос отца — но не обычный, усталый, а чужой, будто кто-то надел его интонацию, как маску.

— Не ищи, — повторил он ровно, не повышая голоса. — Ты не сможешь собрать обратно.

Артём и Кира переглянулись.

— Пап? — позвал Артём, делая шаг в коридор.

Отец стоял у окна, смотрел на улицу, но не видел ни двора, ни фонарей. Его взгляд был направлен куда-то сквозь стекло, в точку, которую мог видеть только он.

— Ты слышишь меня? — спросил Артём.

Отец медленно повернул голову. В его глазах мелькнуло узнавание — как у человека, который только что вынырнул из глубокого сна.

— Что? — переспросил он, будто впервые услышал голос сына. — Ты… ты пришёл.

— Ты только что сказал «не ищи», — тихо произнёс Артём.

Отец нахмурился, провёл ладонью по лицу, будто стирая невидимую плёнку.

— Я не говорил этого, — уверенно ответил он. — Я вообще ничего не говорил. Я стоял и думал… о работе.

Но в его голосе уже не было уверенности. Он сам чувствовал: что-то здесь не сходится.

После этого они решили уйти. Не сбежать, а просто выйти туда, где мир был привычнее: в школьный двор, на оживлённую улицу, к автобусной остановке, где люди толкаются, смеются и спорят о пустяках. Там, среди шума, Артёму казалось, что чужие воспоминания не могут к нему пробраться.

Но и город больше не был безопасным.

На скамейке у школы сидела девочка из параллельного класса. Она смотрела прямо перед собой и монотонно повторяла одну фразу:

— Я забыла тетрадь. Я забыла тетрадь.

Рядом стояла другая девочка и неловко улыбалась, будто не знала, что делать.

— Да ладно, не переживай, — говорила она. — У меня есть запасная.

Но первая не слышала. Она продолжала:

— Я забыла тетрадь. Я забыла тетрадь.

Артём остановился, чувствуя, как внутри всё сжимается. Это была та самая фраза, которую он слышал в школе накануне, — только теперь она звучала как заклинание.

Кира потянула его за рукав:

— Пойдём. Тут что-то… сломалось.

Они свернули во двор, где обычно было тихо, но сегодня тишина звенела. В одном из окон на пятом этаже женщина стояла у подоконника и смотрела вниз. Её губы двигались, но слов не было слышно. А потом она вдруг подняла руку и чётко, будто отвечая на вопрос, произнесла:

— Он уже знает. Он видел платформу.

Это были слова из видения Артёма. Те самые, которые он слышал в школьном коридоре.

— Она не могла этого знать, — прошептал Артём. — Никто не мог.

Кира сжала его руку так сильно, что стало больно.

— Значит, кто-то смог. Или… это не она говорит.

Миша ждал их у трансформаторной будки — там, где раньше Артём чувствовал, как пальцы проходят сквозь кирпич. Миша выглядел взъерошенным, будто его трясли, и говорил быстро, сбивчиво:

— Я пытался найти старые отчёты, ну, про стройку, про 2008 год. А вместо этого… мне начали приходить сообщения. Не в личку, а прямо в чат, где мы с ребятами про игры болтаем. Просто фразы. Без имён. Без смысла. Типа: «Держите поле», «Если оно рухнет, мы не сможем собрать обратно». Ты понимаешь, что это? Это твои видения? Или это город… заражается?

Артём хотел ответить, но в этот момент тень от будки шевельнулась. Не от ветра, не от движения солнца — она сама по себе сдвинулась вперёд, вытянулась, будто хотела дотянуться до них. И в этой тени на секунду проступил силуэт человека в длинном пальто.

— Нет, — выдохнул Артём, отступая. — Нет.

Тень дрогнула и рассыпалась на обычные тёмные пятна. Но на асфальте, там, где она лежала, остался тонкий серый налёт — такой же, какой был на ладони Артёма после встречи с осколком.

Миша потёр руки, будто пытался стряхнуть холод.

— Ладно, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — Допустим, это не просто глюки. Допустим, город теперь… повторяет. Но если он повторяет, значит, где-то есть оригинал. Есть источник. И если мы его найдём, может, всё это остановится?

Кира посмотрела на Артёма, и в её взгляде не было страха — только решимость.

— Мы не можем сидеть и ждать, пока он начнёт повторять твои мысли вслух, — сказала она. — Надо найти, где это начинается. Где этот «узел», про который говорил серый человек.

Артём вспомнил его слова: *«Без якоря ты начнёшь терять себя. Осколки будут тянуть из тебя воспоминания, пока не останется только шум»*.

— Якорь, — тихо повторил он. — Нам нужен якорь. Что-то настоящее. Что не меняется.

Миша хмыкнул:

— Ну, я не меняюсь. Я всё ещё боюсь заброшек и люблю пиццу. Этого достаточно?

Слабая улыбка тронула губы Артёма. Впервые за день ему стало чуть легче.

— Достаточно, — сказал он. — Пока достаточно.

Они пошли к старой метеостанции — туда, где, по словам отца, раньше фиксировали аномальные показания. Отец говорил, что там почти нет электричества, а значит, осколки должны быть слабее. Может быть, там можно будет подумать.

По дороге Артём всё время ловил себя на том, что прислушивается не к шагам, а к тишине. Ему казалось, что тишина теперь тоже что-то шепчет — не словами, а ритмом, как тиканье часов в лесу. И он боялся, что однажды этот ритм совпадёт с его собственным, и тогда уже не будет разницы между тем, что он помнит, и тем, что ему показывают.

Когда они дошли до метеостанции, дверь была приоткрыта. Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то ещё — холодным, металлическим, как запах грозы перед ударом.

И на пороге стоял «серый человек». Только теперь он не смотрел сквозь них. Он смотрел прямо на Артёма и говорил тихо, без угрозы:

— Ты пришёл искать якорь. Но якорь — это не место. Это человек. Тот, кто помнит тебя настоящего. Пока есть кто-то, кто знает, кем ты был до того, как осколки начали читать твою память, — ты можешь держаться. Но если этот человек начнёт повторять чужие фразы… тогда узел затянется.

Он сделал шаг в сторону, освобождая проход.
— Внутри ничего нет. Только тишина. А тишина сейчас — редкость.

Артём вошёл первым. За ним — Кира и Миша. Дверь за ними закрылась сама, будто её подтолкнула чья-то рука. Или просто ветер. Но все трое знали: ветра не было.

Глава 7. Тишина, которая лжёт

Внутри метеостанции было не так тихо, как казалось снаружи. Тишина здесь была плотной, будто её набили ватой, и в этой вате прятались чужие голоса — они просачивались сквозь щели в досках, сквозь ржавые решётки вентиляции, сквозь само время.

Миша первым нарушил молчание — не потому что хотел, а потому что не мог вынести, как тишина давит на уши.

— Тут даже дышать громче, — прошептал он, оглядываясь. — Как будто стены слушают.

Кира не сводила глаз с Артёма. В полумраке её взгляд был единственным, что казалось настоящим.

— Держи, — она протянула ему маленький брелок-фонарик, тот самый, с котом, который он когда-то подарил ей на день рождения. — Пусть будет что-то твоё. Не осколок, не тень, не фраза из чужого воспоминания. Просто… твоё.

Артём сжал брелок в ладони. Металл был тёплым от её руки, и на секунду мир перестал плыть.

И тут Кира вдруг замерла. Её губы чуть дрогнули, будто она хотела что-то сказать, но вместо этого произнесла чужим, ровным голосом:

— Держите поле. Если оно рухнет, мы не сможем собрать обратно.

Слова прозвучали не как её фраза — они прозвучали как приказ, отданный много лет назад в другом месте, в другое время.

Артём отшатнулся, будто его ударили.

— Кира… — он шагнул к ней, но остановился, боясь, что прикосновение только закрепит это чужое.

Она моргнула, и в её глазах снова появилась она сама — испуганная, растерянная, но настоящая.

— Что я сказала? — прошептала она, хватаясь за виски. — Я не… я не хотела. Это как будто кто-то открыл кран, и из меня полилось чужое.

Миша резко выдохнул:
— Значит, якорь не работает. Или работает, но плохо. Если даже она…

— Он говорил, что якорь — это тот, кто помнит тебя настоящего, — хрипло сказал Артём. — Но если тот, кто помнит, начинает говорить чужими словами… тогда узел затягивается.

В этот момент дверь, которую они считали закрытой, скрипнула и приоткрылась ещё на пару сантиметров. Холодный воздух потянулся внутрь, неся с собой запах сырости и старого железа. И в проёме снова возник «серый человек». На этот раз он не стоял неподвижно — он будто боролся с чем-то: его силуэт то становился чётким, то расплывался, как отражение в мутной воде.

— Вы не можете прятаться здесь, — сказал он, и голос его звучал так, будто слова давались с трудом, словно кто-то тянул их из него силой. — Это место раньше гасило аномалии, а теперь оно просто копит эхо. Чем дольше вы здесь, тем больше город будет повторять.

— Тогда что нам делать? — выкрикнул Артём, и в этом крике было столько отчаяния, что даже тени в углах будто сжались. — Если осколки тянут память, если люди начинают говорить чужими фразами, если даже Кира…

«Серый человек» посмотрел на Киру, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на сожаление.

— Якорь должен быть сильнее эха, — сказал он. — Не просто кто-то, кто тебя знает. А кто-то, чья память о тебе — как гвоздь в стене. Надёжный. Тяжёлый. Такой, что даже осколки не смогут его сдвинуть.

— Кто это может быть? — спросил Артём.

— Тот, кто не боится назвать тебя по имени, — тихо ответил «серый человек». — Даже когда мир вокруг начнёт забывать, кто ты.

Внезапно снаружи раздался резкий, металлический звук — будто кто-то ударил по рельсу. Звук прокатился по дворам, по крышам, по пустым улицам, и после него наступила не тишина, а пустота, в которой не было ни птиц, ни ветра, ни даже далёкого гула города.

Миша дёрнулся, как от удара током.

— Это сигнал, — пробормотал он. — Я видел такое в документалке про старые системы оповещения. Если звук такой чистый и резкий — значит, что-то включилось. Что-то большое.

«Серый человек» резко повернулся к двери, будто услышал то, чего не слышали они. Его силуэт снова дрогнул, и на мгновение вместо него в проёме мелькнула другая фигура — молодой отец Артёма, напряжённый, в куртке с капюшоном, и он кричал: «Беги!»

Картинка исчезла, оставив после себя только холод и запах озона, как после грозы.

— Они активировали поле, — прошептал «серый человек», уже почти не своим голосом. — То, что мы пытались отключить. Теперь оно тянет не только прошлое. Оно тянет настоящее. И чем больше людей повторяют фразы, тем крепче становится узел.

Он посмотрел на Артёма так, будто видел не подростка, а ту самую пятилетнюю версию, которая когда-то стояла у воронки.

— Единственный способ ослабить узел — найти источник, — сказал он. — То место, где поле началось. Где осколки впервые коснулись земли. И сделать так, чтобы оно перестало быть якорем для города.

— Воронка, — выдохнул Артём. — Отец говорил про воронку.

«Серый человек» кивнул:
— Да. Но туда нельзя идти одному. И нельзя идти с тем, кто уже начал повторять чужие слова. Эхо использует их как проводники.

Кира сжала кулаки, будто пыталась удержать себя.

— Я пойду, — сказала она твёрдо, хотя в её голосе дрожала тонкая струна страха. — Я помню Артёма. Не видения, не эхо, а его самого. Как он в пятом классе уронил стопку учебников и потом весь день извинялся перед библиотекаршей. Как он боялся высоты, но залез на крышу, чтобы спасти кота. Это моя память. И я не позволю ей стать чужой.

Миша хмыкнул, пытаясь скрыть, как сильно у него трясутся руки:
— А я пойду, потому что я помню, как он однажды сказал, что пицца с ананасами — это преступление. И если он вдруг начнёт говорить, что это вкусно… значит, точно всё пропало.

Слабая улыбка тронула губы Артёма. Впервые за долгое время она была настоящей.

— Тогда идём, — сказал он. — К воронке. И попробуем разорвать узел, пока эхо не забрало всех, кого я знаю.

Они вышли из метеостанции. Улица встретила их не шумом, а странным, неестественным порядком: люди стояли неподвижно, как манекены, и только их губы шевелились, повторяя одни и те же фразы, будто город прокрутил плёнку и забыл её остановить.

На остановке женщина в пальто смотрела прямо перед собой и тихо, монотонно повторяла:
— Он уже знает. Он видел платформу.

Рядом мальчик кивал, хотя никто не задавал ему вопросов, и бормотал:
— Не ищи. Не ищи.

Артём остановился, чувствуя, как в груди разрастается тяжесть. Город не просто повторял — он учился. И чем дольше они медлили, тем сильнее становилась аномалия.

Кира взяла его за руку. Её пальцы были тёплыми и твёрдыми, и в этом прикосновении было больше защиты, чем в любых стенах.

— Мы помним тебя, — сказала она. — Пока мы помним, ты не станешь эхом.

Они пошли вперёд, туда, где, по словам отца, когда-то была стройка, а теперь осталась только странная пустота в земле — воронка, которая помнила слишком много.

Глава 8. Дорога сквозь чужие голоса

Путь к воронке не был долгим, но стал бесконечным. Каждый квартал будто проверял их на прочность: на перекрёстке у аптеки мужчина в куртке с капюшоном стоял и повторял одну фразу, глядя в никуда: «Поле держится. Поле держится». У автобусной остановки старушка кивала в такт невидимому ритму и шептала: «Не ищи. Не ищи». А на стене гаража кто-то вывел мелом те самые цифры — 17.08.2008, — и они будто пульсировали, как вены под тонкой кожей.

Артём шёл, стараясь не смотреть на людей. Он боялся, что если услышит ещё одну фразу из своего прошлого, то перестанет понимать, где кончается его память и начинается чужое эхо.

— Смотри только на нас, — тихо сказала Кира, крепко держа его за рукав. — На меня. На Мишу. Если ты будешь видеть только нас, эхо не сможет тебя утянуть.

Миша шёл чуть впереди, будто прокладывал тропу. Он не отводил взгляда от асфальта и бормотал себе под нос что-то про пиццу, про футбол, про то, как в третьем классе сломал стул, пытаясь сделать сальто прямо в классе.

— Это чтобы не забыть, кто я, — пояснил он, поймав взгляд Артёма. — Если начну говорить про «поле» и «воронку» — сразу дайте мне по плечу.

Они свернули в промзону. Здесь город будто стёр сам себя: заборы стояли неровно, как зубы в полуразрушенной челюсти, а воздух был тяжёлым, будто пропитанным забытыми обещаниями. И чем ближе они подходили к месту, тем чаще повторялись одни и те же фразы, словно город пытался напомнить Артёму что-то важное — или заставить его сдаться.

Вдруг из-за ржавого контейнера вышел отец. Он выглядел так, будто бежал долго и без остановки: куртка распахнута, волосы взъерошены, в глазах — та самая усталость, которая бывает, когда ты понимаешь, что времени почти не осталось.

— Вы не должны были идти сюда, — выдохнул он. — Я хотел сам. Я хотел забрать это на себя.

— Ты не можешь, — твёрдо сказал Артём. — Ты сам начинаешь повторять чужие слова. Я слышал. Дома. Ты сказал: «Держите поле».

Отец на секунду закрыл глаза, будто пытался удержать внутри что-то, что рвалось наружу.

— Да, — тихо признался он. — Оно тянет. Как холод, который забирается под кожу и шепчет: «Ты помнишь, ты был там». И ты начинаешь верить, что это твои воспоминания.

Кира шагнула вперёд:

— Тогда мы сделаем это вместе. Вы оба помните Артёма. Один — как сына. Другая — как друга. И Миша… ну, Миша помнит, что пицца с ананасами — это преступление. Этого хватит, чтобы удержать его.

Отец слабо улыбнулся, и в этой улыбке было столько боли и благодарности, что у Артёма сжалось сердце.

— Ладно, — сказал отец. — Тогда слушайте. Воронка — это не просто дыра в земле. Это узел, где пересекаются временные слои. Осколки, которые мы нашли, работают как линзы: они собирают память места и усиливают её. Чтобы остановить эхо, нужно разорвать связь.

— Как? — спросил Артём.

— Есть способ, — медленно произнёс отец. — Но он рискованный. Нужно поместить в центр воронки предмет, который не имеет к ней отношения. Что-то обычное, бытовое. Что-то, что не несёт в себе памяти этого места. Тогда поле потеряет фокус.

— Что? — переспросил Миша. — Типа… бутерброд?

— Не совсем, — отец посмотрел на Артёма. — Что-то личное, но не связанное с аномалией. Что-то, что ты сам выбрал, а не нашёл здесь.

Артём замер. В кармане лежала старая отцовская перчатка — та самая, грубая, с протёртым пальцем. Он достал её и сжал в руке.

— Вот, — прошептал он. — Она не из этого места. Она из дома. Из обычной жизни.

Отец кивнул:

— Этого может хватить. Но ты должен бросить её в центр воронки и не пытаться её вернуть. Ни при каких обстоятельствах. Если ты потянешься за ней — поле использует это как крючок.

В этот момент тень от контейнера шевельнулась, и из неё выступил «серый человек». На этот раз он не выглядел ни врагом, ни союзником — он выглядел уставшим, как человек, который слишком долго пытался удержать падающую стену.

— Он прав, — тихо сказал «серый человек». — Но есть ещё один нюанс. Воронка не отпустит тебя просто так. Она попытается показать тебе то, что ты больше всего хочешь забыть. Или то, что боишься вспомнить. Это будет самый сильный удар.

Артём сглотнул. Он знал, о чём речь. В его памяти всегда был один тёмный угол — тот самый вечер у воронки, когда ему было пять. Он помнил холод, странный свет и крик отца: «Беги!» Но он никогда не знал, от чего.

— Я готов, — сказал Артём, хотя голос его чуть дрогнул.

Они двинулись дальше. Промзона будто сжималась вокруг них, как кулак. Тени становились длиннее, фразы — громче. И вот наконец они вышли на пустырь, где земля проваливалась в странную, неестественно ровную воронку. Края её были покрыты теми же узорами, что и на осколках, а в центре мерцал тусклый, холодный свет, похожий на отражение луны в ледяной воде.

Артём остановился на краю. Холод поднимался из воронки, как дыхание чего-то огромного и древнего.

— Помни, — сказал отец, кладя руку ему на плечо. — Смотри на нас. Мы здесь. Мы настоящие.

Кира сжала его руку:
— Я помню, как ты боялся высоты, но полез на крышу. Я помню, как ты прятал конфеты, чтобы потом поделиться со всеми. Это ты. Не эхо. Не память места. Ты.

Миша хлопнул его по спине:
— А я помню, как ты сказал, что пицца с ананасами — это преступление против человечества. Держись за это.

Артём глубоко вдохнул, разжал пальцы и бросил перчатку в центр воронки.

На секунду всё замерло. Даже эхо замолчало, будто прислушиваясь. А потом воронка вспыхнула резким, холодным светом, и Артёма накрыло волной воспоминаний — не его, не чужих, а тех, что он прятал даже от себя.

Он снова был пятилетним мальчиком. Он стоял у края воронки, а вокруг кружились странные огни, похожие на светлячков, только они не летали — они тянулись к нему. Отец кричал: «Беги!», но Артём не мог пошевелиться. А из воронки тянулась тонкая, прозрачная нить, которая коснулась его ладони и прошептала голосом, который он никогда не забудет: «Ты будешь помнить. Даже если не захочешь».

Картинка дрогнула, и Артём снова оказался на пустыре. Но теперь он знал: эта нить всё ещё была в нём. Она не исчезла — она просто ждала.

Воронка начала медленно гаснуть. Узоры на краях тускнели, холодный свет становился обычным сумраком. Эхо затихало, как радио, которое медленно выключают.

Но прежде чем всё закончилось, «серый человек» подошёл к Артёму и тихо сказал:

— Ты разорвал узел. Но ты не уничтожил его. Он просто ушёл в тень. И однажды он вернётся. Будь готов.

Отец обнял Артёма, и в этом объятии было столько облегчения и страха, что Артём понял: ничего не закончилось. Просто теперь они знали, с чем имеют дело.

Город вокруг начинал возвращаться к нормальной жизни. Люди моргали, будто просыпаясь от странного сна, и оглядывались, не понимая, где они и что только что произошло. Фразы затихали, тени становились обычными, а цифры на стенах постепенно бледнели, словно их смывало дождём.

Кира улыбнулась, но в её глазах всё ещё был страх — не за себя, а за Артёма.

— Мы сделали это, — прошептала она. — Мы вернули тебя.

Артём кивнул, но в душе у него было странное чувство: будто он закрыл одну дверь, но услышал, как за другой кто-то тихо скребётся.

Глава 9. Шёпот, который остался

Первые дни после того, как воронка погасла, казались Артёму сном, в который он боялся поверить. Город снова шумел привычными звуками: гудели машины, звенели трамваи, люди спорили у ларьков и смеялись в автобусах. Фразы больше не повторялись, тени не собирались в фигуры, а цифры 17.08.2008 стёрлись со стен, будто их и не было.

Но кое-что осталось.

Артём начал замечать это по утрам, когда мир ещё не успел наполниться обычным шумом. Иногда, в тишине между двумя звуками — между гудком машины и хлопком подъездной двери, между голосом учителя и скрипом стула, — он слышал шёпот. Не слова, а обрывки интонаций, будто кто-то пытался пробиться сквозь тонкую перегородку. И чаще всего шёпот звучал так, будто говорил не чужой, а он сам — только много лет назад.

Однажды это случилось на уроке физики. Учитель что-то объяснял про магнитные поля, и вдруг в голове Артёма чётко прозвучала фраза: «Держите поле. Если оно рухнет, мы не сможем собрать обратно». Он вздрогнул и уронил ручку.

— Ты в порядке? — тихо спросила Кира, наклоняясь к нему.

Артём кивнул, но не смог посмотреть ей в глаза. Он боялся, что она увидит в них тот самый стеклянный туман, который был раньше.

После уроков они пошли к отцу в лабораторию — маленькое помещение в старом корпусе технического колледжа, где он теперь подрабатывал и где, по его словам, «меньше помех». Отец сидел за столом, перебирал старые папки и выглядел так, будто за эти дни постарел на несколько лет.

— Это не исчезло, — сказал он, не поднимая глаз. — Оно не ушло. Оно… осело. Как пыль после бури. Ты разорвал узел, но эхо не испарилось. Оно осталось в тебе.

— Значит, я теперь буду это слышать? — глухо спросил Артём.

Отец медленно кивнул:
— Возможно. Осколки оставили след. Они не просто показывали воспоминания — они вплелись в твою память. Теперь ты иногда будешь слышать то, что они «записали».

Миша, который всё это время крутился у стеллажа с катушками и проводами, резко обернулся:
— То есть он теперь как радиоприёмник? Ловит старые передачи?

— Примерно так, — устало ответил отец. — Но не все передачи. Только те, что связаны с узлом.

Кира нахмурилась:
— А можно это… отключить?

— Не знаю, — честно сказал отец. — Мы никогда не пробовали. Мы пытались стабилизировать, контролировать, прятать. Никто не пытался стереть.

В этот момент в коридоре что-то щёлкнуло, и свет в комнате на секунду дрогнул. Артём почувствовал, как по спине пробежал знакомый холод — тот самый, который бывал рядом с осколками.

Он вышел в коридор, чтобы налить воды из кулера, и замер. На стене висела старая доска объявлений, и на ней, среди листовок про репетиторов и пропавших кошек, белела одна незнакомая бумажка. На ней аккуратным, почти каллиграфическим почерком было написано: «Он уже знает. Он видел платформу».

Это была та самая фраза, которую шептали люди, когда эхо было сильным. И теперь она снова появилась — но не из чьих-то уст, а на бумаге.

У Артёма пересохло в горле. Он хотел сорвать листок, но рука не поднималась. Ему казалось, что если он коснётся его, фраза оживёт и начнёт шептать сама по себе.

— Артём? — Кира вышла следом и сразу заметила, как он застыл. — Что?
Он молча показал на листок.

Кира подошла ближе, присмотрелась, потом резко дёрнула его и разорвала на мелкие кусочки.
— Так нельзя, — сказала она твёрдо. — Оно не имеет права снова появляться там, где ты живёшь.

Артём слабо улыбнулся:
— Спасибо.

Они вернулись в комнату. Отец как будто почувствовал, что случилось что-то, и поднял голову.
— Что-то не так?

Артём хотел рассказать про листок, но вдруг понял, что не хочет снова видеть эту усталость в глазах отца.

— Ничего, — ответил он. — Просто… показалось.

Отец посмотрел на него долго и внимательно, будто пытался прочитать то, что Артём не сказал.

— Если будет казаться снова, — тихо произнёс он, — скажи. Даже если это будет звучать глупо. Сейчас глупого не бывает.

Вечером, когда Артём шёл домой один (Кира задержалась на репетиции школьного спектакля, а Миша убежал смотреть матч), город снова показал ему, что тишина бывает обманчивой.

На скамейке у подъезда сидела женщина, которую он раньше не замечал. Она смотрела прямо на него и улыбалась так, будто знала что-то очень важное.

— Ты справился, — сказала она спокойно, хотя он не подходил к ней и ничего не говорил. — Но узел не любит, когда его разрывают. Он ищет, за что зацепиться.

Артём остановился, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Кто вы? — спросил он.

Женщина чуть наклонила голову, и на секунду её лицо стало другим — моложе, строже, в нём мелькнуло что-то знакомое.

— Я была там, — ответила она. — В той группе. До того, как всё пошло не так. Я видела, как это начинается. И я знаю, как это заканчивается, если не быть осторожным.

Она встала, подошла к нему почти вплотную и прошептала так тихо, что только он мог услышать:

— Не пытайся забыть. Пытайся понять. Узел вернётся, если ты позволишь ему стать тайной.

И прежде чем Артём успел спросить ещё хоть что-то, она повернулась и пошла прочь, растворившись в вечерних тенях, как будто её и не было.

Дома он сел на кухне, достал из рюкзака старую отцовскую перчатку — ту самую, которую бросил в воронку. Она лежала там, целая, будто её и не касался холодный свет. Артём провёл пальцем по протёртому месту и вдруг понял: он не помнит, как она снова оказалась у него. Он не брал её из воронки. Не поднимал. Но она была здесь.

За окном щёлкнула лампа, и на мгновение кухня стала другой: стены чуть прозрачнее, тени глубже, а на столе вместо папки лежала чёрная коробка с осколком. Артём моргнул — и всё вернулось. Но ощущение осталось: узел не ушёл. Он просто затаился.

Глава 10. Архив, которого не должно быть

На следующий день Артём проснулся с ощущением, будто ночь не дала отдыха, а только перетасовала воспоминания. В голове снова мелькали обрывки фраз, но теперь к ним добави-

лось что-то новое: не слова, а образы — короткие, как вспышки. Он видел отцовскую лабораторию не такой, какой она была сейчас, а такой, какой могла быть десять лет назад: с другими коробками, с другим светом, с человеком в сером пальто, который что-то быстро записывал в блокнот.

В школе было шумно, но этот шум казался Артёму ненастоящим, как запись, которую пустили на фоне. На перемене он подошёл к Кире, которая сидела на подоконнике и листала старый журнал.

— Мне нужно в лабораторию, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — Отец говорил про архивы. Про группу. Если там есть хоть что-то про то, как это останавливали раньше…

Кира подняла глаза, и в них сразу появилась та самая собранность, которая появлялась каждый раз, когда она понимала: дело серьёзное.

— Тогда идём после уроков. И Мишу позовём. Если это про старые документы, он может заметить то, чего мы не увидим: даты, подписи, странные пометки. У него память на такие штуки.

Миша появился через пять минут, взъерошенный и с бутербродом в руке.

— Я уже в деле, — заявил он, откусывая. — Если надо искать бумажки, я лучший в классе по «найти что-то мелкое и непонятное».

Лаборатория встретила их запахом пыли и старого пластика. Отец сидел за столом и что-то чертил на листе, но, увидев их, сразу отложил ручку.

— Вы не просто так, — тихо сказал он. — Что-то снова?

Артём кивнул:
— Я вижу… вспышки. Как будто прошлое заглядывает через плечо. И я хочу понять, можно ли это как-то… приглушить.

Отец помолчал, потом медленно кивнул:
— Есть папки. Те, что мы не трогали. Они помечены как «материалы группы». Но предупреждаю: там не инструкции «как всё исправить». Там отчёты о том, как становилось хуже.

Он подошёл к шкафу у стены, отодвинул стопку книг и достал тонкую серую папку с выцветшей надписью «Группа “Север” — 2008». На обложке стоял гриф «Для служебного пользования», но чернила были такими старыми, что надпись казалась скорее напоминанием, чем запретом.

Миша присвистнул:
— Выглядит как из фильма про шпионов.

Отец открыл папку и начал выкладывать содержимое на стол: фотографии площадки, схемы, листы с пометками. И среди них — несколько страниц с перечёркнутыми строками и пометками на полях.

— Вот это, — отец ткнул пальцем в одну из записей, — про «остаточные явления». После первого всплеска у некоторых участников начались… симптомы. Кто-то слышал эхо, кто-то видел «двойные картинки», как будто поверх настоящего мира накладывался старый.

— И что они делали? — спросил Артём, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Пытались «перезаписать» память, — ответил отец, и в его голосе прозвучало что-то похожее на горечь. — Думали, что если дать мозгу новую, сильную картинку, она вытеснит эхо. Но вышло наоборот: эхо цеплялось за новую память и начинало её повторять. Получался замкнутый круг.

Кира наклонилась к одной из фотографий:
— А это кто?

На снимке стояла группа людей в рабочей одежде. Лица были серьёзными, почти напряжёнными. В углу фото кто-то карандашом подписал: «Смена 17.08.2008».

— Это они, — тихо сказал отец. — Та самая группа. Мы тогда ещё не понимали, с чем имеем дело. Думали, это геоаномалия. А оказалось — узел.

Артём вгляделся в лица. И вдруг его взгляд зацепился за одно: женщина с короткой стрижкой, чуть в стороне от остальных. Это была та самая женщина, которая вчера говорила с ним у подъезда.

— Это она, — выдохнул он. — Та, что подошла ко мне вчера. Она сказала: «Не пытайся забыть. Пытайся понять».

Отец резко поднял голову:
— Ты видел её? Где?

— У подъезда, — Артём сглотнул. — Она знала про узел. И про то, что он вернётся, если держать его в тайне.

Отец побледнел.
— Её не должно быть здесь, — прошептал он. — Она… ушла из группы задолго до того, как всё пошло не так. И после этого её никто не видел.

Миша перевёл взгляд с отца на Артёма, потом обратно:
— То есть либо она вернулась, либо… это не совсем она.

В этот момент лампа над столом моргнула, и на секунду вместо лаборатории Артём увидел другое помещение: более старое, с деревянными панелями и тусклыми лампами. И в этом помещении женщина из фото стояла у шкафа и быстро перебирала папки, будто искала что-то важное.

Вспышка исчезла так же быстро, как появилась. Артём потёр виски, пытаясь вернуть себе ощущение настоящего.

— Что это было? — тихо спросила Кира.

— Остаток, — хрипло сказал отец. — Эхо цепляется за сильные воспоминания. Если ты видел её вчера, твой мозг теперь может «подтягивать» старые кадры, где она была.

Миша постучал пальцами по столу, будто пытался вернуть себе обычную уверенность:
— Ладно. Допустим, мы не можем стереть эхо. Но может, мы можем его… отвлечь? В старых фильмах про аномалии всегда есть какой-то «якорь», который всё держит. Может, нам нужен второй якорь? Что-то, что будет сильнее, чем эхо.

Отец посмотрел на него с уважением:
— Не такая плохая мысль. В отчётах есть упоминание про «стабилизирующие объекты». Это вещи, которые не связаны с узлом, но имеют сильную личную привязку. Они как противовес.

Артём вспомнил перчатку. Та самая, которая вчера лежала у него в рюкзаке, хотя он не брал её из воронки. Он достал её и положил на стол.

— Она уже работала, — сказал он. — Когда я бросил её в воронку, эхо начало гаснуть.

Отец взял перчатку, повертел в руках, потом кивнул:
— Значит, принцип верный. Но одного предмета мало. Нужен ещё один. Что-то твоё. Что-то, что ты сам выбрал, а не нашёл здесь.

Артём задумался. В голове мелькнули разные вещи: брелок с котом, который дала Кира, старый билет с электрички, фотография, где они втроём смеются на школьном дворе. Но ни одна из них не казалась достаточно сильной.

И тут он вспомнил про жетон с номером 417 и молнией — тот самый, который он положил рядом с люком на бетонной плите. Он сунул руку в карман и нащупал холодный металл.

— Вот, — он положил жетон рядом с перчаткой. — Я сам его выбрал. И он не из этого места.

Отец внимательно посмотрел на жетон, потом на Артёма:
— Откуда он у тебя?

— Нашёл, — коротко ответил Артём. — Давно. И с тех пор носил.

В коридоре снова что-то щёлкнуло, и дверь в лабораторию приоткрылась сама по себе. На пороге стояла женщина из фото. На этот раз она не улыбалась. Её лицо было напряжённым, а в глазах читалась тревога.

— Они начали, — сказала она, глядя прямо на отца. — Те, кто хотел всё контролировать. Они снова активируют поле. Не через воронку. Через старые точки. И если вы будете искать ответы в этих папках, они поймут, что вы знаете.

Отец встал, будто его толкнули:
— Кто «они»?

— Те, кто думал, что аномалию можно приручить, — ответила женщина. — Они не верили, что узел нельзя победить силой. И теперь они пытаются снова.

Артём почувствовал, как по спине пробежал холод:
— Что нам делать?

Женщина посмотрела на него, и в её взгляде было что-то, похожее на надежду:
— Продолжайте искать. Но не здесь. Есть ещё один архив. Он спрятан не в документах, а в местах. В тех точках, где эхо сильнее всего. Если вы соберёте эти точки в одну карту, вы поймёте, как устроен узел.

Она сделала шаг назад, в полумрак коридора, и прошептала:
— И не теряйте якоря. Пока у вас есть вещи, которые вы сами выбрали, у вас есть шанс остаться собой.

Дверь тихо закрылась.

Миша первым нарушил тишину:
— Это было… очень по-киношному.

Кира сжала кулаки:
— Зато теперь у нас есть цель. Карта точек. Места, где эхо сильнее.

Отец медленно убрал папки обратно в шкаф, но одну оставил на столе.
— Мы сделаем так, — сказал он. — Сегодня я попробую найти ещё одну запись. А вы… идите домой. Будьте среди людей. В толпе эхо слабее.

Но Артём уже знал: толпа не спасёт, если узел решит напомнить о себе.

Они вышли на улицу. Город снова казался обычным, но Артём теперь видел в нём трещины: в отражении витрины на секунду мелькнуло старое здание, которого здесь не было; на скамейке лежал листок с теми же цифрами — 17.08.2008; а в шуме ветра ему чудился знакомый шёпот: «Держите поле».

Кира взяла его за руку:
— Смотри на меня, — сказала она твёрдо. — Не на отражения. Не на листки. На меня.

Миша хлопнул его по плечу:
— И на меня. Я тут. И я всё ещё считаю пиццу с ананасами преступлением.

Артём слабо улыбнулся. И на секунду эхо отступило, будто не могло дотянуться до него, пока рядом были те, кто помнил его настоящего.

###

Глава 11. Карта из трещин

После разговора в лаборатории Артём не мог просто сидеть и ждать. Ощущение, будто время сжимается, не отпускало: эхо не затихало — оно лишь пряталось, чтобы ударить в другой момент. И если женщина из старой группы права, если кто-то снова пытается активировать поле, им нельзя терять ни дня.

Дома он достал старую тетрадь в потрёпанной обложке — раньше он рисовал там схемы любимых маршрутов, а теперь она должна была стать картой аномалий. На первой странице он вывел: «Точки эха». И начал записывать всё, что помнил: скамейку у школы, где девочка повторяла про тетрадь; витрину, в которой мелькнуло чужое здание; листок с цифрами на остановке; трансформаторный ящик, рядом с которым тени вели себя странно.

Кира пришла через час, принесла термос с чаем и пачку печенья, а ещё — бумажную карту района, которую стащила из кабинета географии.

— Так будет проще, — сказала она, раскладывая её на столе. — Мы нанесём точки и посмотрим, есть ли между ними связь. Не мистическая, а обычная: геометрия, маршруты, линии. Иногда самое странное прячется в самом простом.

Миша появился ещё через двадцать минут, с телефоном, на экране которого был открыт какой-то странный сайт с городскими легендами и старыми схемами подземных коммуникаций.

— Я тут подумал, — сказал он, усаживаясь на стул и поджимая ноги. — Если эхо — это как радиоволна, то у него должны быть «антенны». Места, где оно усиливается. В старых документах про стройку 2008 года упоминались технические колодцы и трансформаторные узлы. Они могли быть частью какой-то сети.

Артём показал свою тетрадь.
— Вот, — он ткнул пальцем в список. — Я отметил всё, где эхо было сильнее.

Кира взяла ручку и начала ставить крестики на карте. Сначала точки казались разбросанными, случайными. Но когда их стало семь, между ними начал проступать узор: линии, соединяющие крестики, складывались в вытянутый ромб, а в центре этого ромба находилась старая железнодорожная ветка — та самая, по которой когда-то ходил короткий маршрут до промзоны, а потом её забросили.

— Смотрите, — тихо сказала Кира, проводя пальцем по линиям. — Они не хаотичны. Это почти как схема. Как будто кто-то специально расположил эти точки.

Миша наклонился ближе, прищурился:
— Или это место само так устроено. Типа… резонансной камеры. Город как инструмент, а эти точки — его струны.

В этот момент телефон Артёма тихо звякнул. Пришло сообщение от отца: «Не ходите к ветке. Там сейчас опасно. Я попробую достать старую схему сети. Ждите».

Но ждать Артём не хотел. Он чувствовал, что если они не дойдут до центра узора сейчас, узор начнёт меняться, и они потеряют след.

— Мы не пойдём прямо к ветке, — сказал он. — Но мы можем пройти по точкам. Проверить, совпадают ли они с тем, что на карте. Если да — значит, мы на верном пути.

Кира посмотрела на него долго и внимательно, будто пыталась прочитать, насколько он уверен. Потом кивнула:

— Ладно. Но по порядку. И держимся вместе. Если кто-то начнёт слышать шёпот или видеть вспышки — сразу говорит. Никаких «я сам справлюсь».

Миша хмыкнул:

— И никаких ананасов. Это наш антианомальный пакт.

Они вышли на улицу. День был серым, но не мрачным: в воздухе висела обычная осенняя сырость, пахло мокрым асфальтом и булочной на углу. И всё же Артём теперь видел город иначе: не как набор улиц, а как карту трещин, по которым просачивалось эхо.

Первой точкой была скамейка у школы. На ней по-прежнему сидела девочка, но теперь она не повторяла одну фразу, а просто листала учебник и хмурилась. Всё выглядело нормально. Слишком нормально.

— Как будто стёрли, — прошептала Кира. — Будто кто-то прошёлся ластиком по самому странному.

Артём подошёл к скамейке, присел на край и закрыл глаза. Он не хотел видеть, он хотел почувствовать. И через несколько секунд шёпот вернулся: тихий, настойчивый, он звучал не снаружи, а внутри, как будто кто-то шептал прямо в висок: «Не ищи. Не ищи».

Он резко открыл глаза. На спинке скамейки кто-то выцарапал те самые цифры: 17.08.2008. Тонкие, едва заметные, но они были.

— Есть, — выдохнул он. — Точка работает.

Следующая точка была у витрины магазина. В стекле отражался не только их район, но и что-то ещё: на секунду поверх привычного фасада проступила старая вывеска с незнакомым названием, а под ней — фигура человека в длинном пальто. Артём моргнул, и видение исчезло, но в груди остался холод.

Миша постучал костяшками по стеклу, будто хотел выгнать отражение:

— Это как смотреть в два телевизора сразу. Один — настоящий, второй — из прошлого. И они немного не совпадают по времени.

Третья точка оказалась у трансформаторного ящика. Здесь эхо было громче: в воздухе будто висел гул, не слышный обычным ухом, но ощутимый кожей. И на ржавой дверце кто-то вывел мелом стрелку, указывающую в сторону промзоны.

— Это не мы, — тихо сказал Артём. — И не эхо. Это кто-то оставил нам знак.

Кира нахмурилась:

— Или ловушку.

Они двинулись дальше, вдоль линии узора. С каждой новой точкой эхо становилось плотнее, как туман, который не рассеивается, а сгущается. На пятой точке, у старого колодца, Артём снова увидел вспышку: он стоял здесь, только ему было пять, и он держал в руке что-то маленькое и блестящее — может быть, тот самый жетон. Рядом был отец, напряжённый, с лицом, искажённым страхом, и он кричал: «Беги!»

Вспышка погасла, оставив после себя тяжесть в груди и ощущение, что он только что подслушал собственный крик из прошлого.

— Ты в порядке? — Кира схватила его за рукав.
Артём кивнул, но не смог сразу ответить. Голос будто застрял где-то внутри.

Когда они дошли до седьмой точки, у заброшенной остановки, узор замкнулся. Ромб был полным. И стрелка на трансформаторе теперь казалась не случайной: она указывала точно в центр — туда, где старая железнодорожная ветка уходила в промзону.

И тут телефон Артёма снова звякнул. На этот раз сообщение было от незнакомого номера: «Не ходи к центру. Узел не любит, когда его трогают дважды».

Артём поднял голову и увидел его.

Человек в обычной куртке, без примет, стоял у края пустыря и смотрел прямо на них. Не прятался, не делал вид, что просто проходит мимо. Он стоял и ждал, будто знал, что они придут.

— Кто это? — прошептал Миша.

Артём не знал. Но он знал другое: этот человек не был частью эха. Он был настоящим. И он следил за ними.

Кира шагнула вперёд, заслоняя Артёма:
— Чего вы хотите?

Человек не ответил. Он просто поднял руку и медленно провёл ладонью по воздуху — так, будто стирал что-то невидимое. И в тот же момент стрелка на трансформаторе осыпалась, будто мел превратился в пыль.

А потом он развернулся и ушёл, растворившись в серых тенях промзоны так быстро, будто его и не было.

Миша выдохнул:
— Ну, это было… жутко.

Артём сжал в кармане жетон. Металл был холодным, но настоящим.

— Он не хотел, чтобы мы шли дальше, — тихо сказал он. — Значит, мы точно на верном пути.

Кира посмотрела на карту, потом на Артёма:

— Тогда решай. Мы можем вернуться и ждать отца с его схемой. Или можем дойти до центра. Но только если ты уверен, что сможешь держаться за настоящее.

Артём посмотрел на своих друзей. На Киру, которая всегда знала, как вернуть его из тумана. На Мишу, который даже в самой страшной ситуации находил повод пошутить про пиццу. И понял: якорь — это не только вещи. Это они.

— Идём, — сказал он. — До центра. Пока эхо не успело перерисовать карту.

###

Глава 12. Вагон, который ждал

Промзона будто специально старалась выглядеть заброшенной: ржавые заборы, покосившиеся столбы, трава, пробившаяся сквозь асфальт. Но Артём теперь знал: эта заброшенность была обманкой. Под ней пряталась сеть невидимых линий — тех самых, что они нанесли на карту. И эти линии вели прямо к старой железнодорожной ветке, терявшейся среди полуразрушенных ангаров.

Они шли осторожно, держась ближе друг к другу. Миша, который раньше шутил про пиццу, теперь молчал, только время от времени поглядывал по сторонам, будто пытался угадать, откуда придёт следующая странность. Кира шла рядом с Артёмом, не сводя с него глаз — не потому что не доверяла, а потому что знала: если он снова провалится в вспышку, ей нужно будет вернуть его сразу.

— Смотрите, — тихо сказал Миша, указывая вперёд.

Среди серых стен и ржавых конструкций стоял вагон. Не современный, а старый, ещё советских времён: тёмно-зелёный, с облупившейся краской и узкими окнами, в которых ничего нельзя было разглядеть. Он выглядел так, будто его не бросили здесь, а поставили нарочно — как сторожа на границе чего-то важного.

— Это он, — прошептал Артём. — Тот самый центр.

Кира нахмурилась:
— Он не выглядит заброшенным. Дверь… она будто недавно смазана.

И правда: на ржавых петлях не было толстого слоя пыли, а ручка блестела так, словно её трогали совсем недавно.

Артём сжал в кармане жетон. Холодный металл будто напоминал: «Ты здесь. Ты настоящий». Он шагнул вперёд и потянул дверь.

Внутри вагон оказался не пустым. Это была не пассажирская часть, а что-то вроде передвижного пункта управления: вдоль стен тянулись полки с приборами, на столе лежала раскрытая папка, а в центре стоял странный аппарат — похожий на старый радиопередатчик, только

с дополнительными панелями и шкалами, которых не бывает у обычной техники. На одной из панелей мигал тусклый красный огонёк, будто вагон всё это время ждал сигнала.

Миша присвистнул:
— Это не просто вагон. Это… лаборатория на колёсах.

Артём подошёл ближе и увидел на столе фотографию. На ней была та самая группа с папки отца, только стояли они не на площадке, а прямо здесь, в этом вагоне. В углу снимка кто-то подписал: «Финальный тест. 17.08.2008».

— Они активировали узел прямо здесь, — тихо сказала Кира. — И этот вагон был частью системы.

В этот момент аппарат тихо щёлкнул, и одна из шкал дрогнула. Артём почувствовал, как по коже пробежал знакомый холод — тот самый, который бывал рядом с воронкой.

— Он просыпается, — выдохнул он. — Вагон… он реагирует на нас.

Миша нервно потёр руки:
— Может, мы просто уйдём? Прямо сейчас. Пока он не включился по-настоящему.

Но Артём уже не мог уйти. Он видел на панели ряд кнопок и переключателей, а над ними — короткую надпись, сделанную от руки: «Стабилизация. Не запускать без кода».

И тут он заметил ещё одну вещь. В небольшом отсеке под панелью лежал предмет, похожий на осколок — такой же, как те, что они находили раньше. Только этот был не просто куском странного материала: к нему крепилась тонкая проволока, уходившая к аппарату. Осколок был частью механизма.

— Вот как они управляли узлом, — прошептал Артём, глядя на схему, набросанную прямо на стенке шкафа. — Осколки — это линзы. А вагон — это фокус. Он собирает эхо и направляет его… куда-то.

Кира подошла к схеме и провела пальцем по линиям:
— Смотри. Здесь отмечены точки. Те самые, которые мы нанесли на карту. Вагон — это сердце. Он связывает все точки и делает эхо сильнее.

Аппарат снова щёлкнул. На этот раз громче. Красный огонёк начал мигать быстрее.

— Нам нужно его отключить, — твёрдо сказал Артём.

— Но как? — спросил Миша. — Там же наверняка есть защита. Или какой-то код.

Артём не знал. Но он знал другое: у него есть якоря. Перчатка отца и жетон. И если раньше они работали как защита, может, теперь они помогут и как ключ.

Он достал оба предмета и положил их рядом с панелью.

— Это моё, — тихо произнёс он, будто объясняя это не друзьям, а самому вагону. — Не из узла. Не из эха. Моё.

И в тот же момент дверь вагона резко распахнулась. На пороге стоял отец. Лицо у него было бледным, а в глазах — та самая усталость, которую Артём видел у него после долгих ночей в лаборатории.

— Не трогайте, — выдохнул отец. — Ни кнопки, ни осколки. Этот вагон — не просто техника. Это ловушка.

— Мы уже здесь, — сказал Артём. — И он просыпается.

Отец шагнул внутрь, быстро оглядел панель, потом посмотрел на перчатку и жетон, лежащие рядом.

— Ты правильно сделал, — тихо сказал он. — Якоря могут помочь. Но не так. Не силой.

Он подошёл к аппарату и осторожно снял осколок с крепления. Проволока тихо звякнула и повисла.

— Главное — разорвать цепь, — пояснил отец. — Узел держится на связях. Если убрать один элемент, остальные теряют фокус.

Как только осколок оказался в его руке, красный огонёк на панели начал медленно гаснуть. Мигание становилось реже, потом прекратилось совсем. Аппарат тихо щёлкнул в последний раз и затих.

Но тишина длилась недолго.

Снаружи послышались шаги — чёткие, уверенные, не похожие на случайное брожение по промзоне. В проёме двери появились трое в одинаковых тёмных куртках и с рациями на плечах. На груди у одного из них белел шеврон с аббревиатурой, которую Артём не смог разобрать.

— Слишком поздно, — спокойно сказал мужчина в центре. — Поле уже начало синхронизацию. Ваш маленький трюк ничего не изменит.

Отец встал перед Артёмом, закрывая его собой:
— Кто вы такие?

— Те, кто знает, как управлять аномалией, — ответил мужчина. — В отличие от вас. Мы не пытаемся её уничтожить. Мы используем её. И сейчас она работает на нас.

Кира сжала кулаки, будто пыталась удержать себя от крика:
— Что вы делаете?

Мужчина чуть наклонил голову, будто оценивал их, как что-то незначительное:
— То, что вы боитесь сделать. Мы собираем эхо. И скоро оно станет достаточно сильным, чтобы менять реальность.

Миша шагнул вперёд, будто хотел что-то сказать, но отец тихо остановил его жестом.

— Вы не понимаете, — сказал отец. — Каждый раз, когда вы «собираете» эхо, оно оставляет шрамы. На людях. На городе.

— Шрамы — это плата за прогресс, — холодно ответил мужчина. — И мы готовы её платить.

В этот момент вагон слегка дрогнул, будто внутри что-то сдвинулось. Артём почувствовал, как холод снова ползёт по спине, но теперь он был другим — не чужим, а знакомым, как старая рана, которая вдруг напомнила о себе.

И тогда он понял: узел не просто реагировал на вагон. Он реагировал на них. На их страх, на их память, на их связь друг с другом.

— Нет, — тихо, но твёрдо произнёс Артём. — Вы не заберёте это. Не заберёте наш город.

Мужчина усмехнулся:
— Ты ещё ребёнок. Ты не понимаешь, с чем играешь.

Но прежде чем он успел сказать что-то ещё, из темноты за их спинами вышел «серый человек». Он выглядел так же устало, как и в прошлый раз, но в его взгляде теперь была решимость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.